

Рецензируемые очерки представляют собой третью книгу серии из четырех исследований, над которыми около 30 лет трудился коллектив сотрудников Института славяноведения РАН. Книга старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН к.и.н. А.Н. Горяинова охватывает широкий круг вопросов развития славяноведения в России с конца XIX до 40-х годов XX в. Очерки содержат традиционное изложение результатов проведенных исследований, анализ переписки славяноведов, биографические зарисовки, раскрывающие не только научно-литературную деятельность, но и судьбы славистов.

В первом очерке рассматривается вопрос о том, как в 1920–1930-х гг. в Советской России и в среде российской эмиграции трактовалась идея “славянской взаимности”. Впервые в отечественной литературе представлена целостная картина гонений, которым подвергалось славяноведение в СССР, начиная с цензурных ограничений, примененных властями к статье либерально настроенного ученого Г.А. Ильинского и кончая исчезновением на долгие годы многих выдающихся ученых, жертв пресловутого “дела славистов” 1933–1934 гг.

В очерке дан обзор взглядов Г.А. Ильинского, считавшего славяноведение “одним из важнейших звеньев в системе гуманитарных знаний” (с. 9), показано негативное отношение к идеям “славянской взаимности” и к славяноведению М.Н. Покровского. Автор, опираясь на материал эмигрантских газет, рассказывает также о воззрениях на “славянский вопрос” представителей эмигрантской науки и публицистики (П.Б. Струве, Е.Ю. Перфецкий) и зарубежных ученых. Проанализировав высказывание М.Н. Покровского в докладе 1930 г. “Очередные задачи историков-марксистов” о неожиданном для него “известном тяготении” к советской делегации на VI Международном конгрессе историков в Осло (1928) некоторых южнославянских ученых и его предложение в этой связи использовать славяноведение для пропаганды среди зарубежных историков коммунистической идеологии, А.Н. Горяинов показал тщетность этих попыток. Вместе с тем автор отметил, что результатом кратковременного изменения тактики воздействия на зарубежных ученых было создание в Ленинграде Института славяноведения под руководством академика Н.С. Державина. За короткое время своего существования (1931–1934) Институт сумел выпустить два тома трудов, в которых

подчеркивалась необходимость изучать славяноведение “в разрезе истории классовой борьбы” (с. 19) и, по существу, отрицался подход к славяноведению как к комплексу национально-культурных проблем. Интересным является обзор состояния зарубежной славистики, опубликованный в сентябре 1931 г. известным советским этнографом, членом-корреспондентом АН СССР Д.К. Зелениным. Любопытно, что Зеленин старался показать: советские славяноведы знают о деятельности славистов Запада и хотят сотрудничать с ними, но ожидают от них принятия коммунистических постулатов.

В следующем очерке автор исследовал важную тему состояния в 1920-е годы советского университетского славяноведения, дал обзор преподавания славистических дисциплин в столицах и в провинции. Наиболее детально в очерке освещено преподавание предметов славяноведения и научная деятельность славистов в Петроградском / Ленинградском и Московском университетах, собраны интересные сведения о преподавании славяноведения в Петроградском университете в 1918/1919 и в последующие годы, представлены преподававшие там крупные слависты, филологи М.Г. Долобо и Н.С. Державин, специалисты по истории славян Н.В. Ястребов и А.И. Косовский.

Много говорится в очерке о постановке изучения и преподавания славяноведения в Московском университете. Пример организации преподавания в МГУ позволяет понять, как нестабильно было положение университетов. Автор показал как часто властные структуры заставляли профессоров менять формы изучения славистических дисциплин, препятствовали приему на учебу молодежи непростого происхождения, какими методами сокращали число преподавателей, как пытались до минимума сократить количество часов, предназначенных для изучения того или иного предмета.

Много интересных фактов содержится в очерке об энергичной деятельности в 1930–1932 гг. по расширению преподавания в Московском университете славистических дисциплин проф. А.М. Селищева (с. 79–81).

Наряду с Петроградским и Московским университетами славистические дисциплины преподавались в Саратовском, Казанском, Иркутском и других университетах, но в провинции преподавание этих дисциплин не-

уклонно сокращалось, а преподаватели постепенно лишались возможности вести научные исследования. В середине 20-х годов XX в. провинциальные вузы окончательно лишились возможностей преподавания предметов славяноведения.

Наряду с очерками, подводящими итоги проведенных автором исследований трактовки славяноведения и организации его изучения в университетах, в книге А.Н. Горяинова помещены и очерки другого жанра. В них рассказывается о судьбах известных славяноведов. Очерк “Семейные истоки формирования личности и начало научной биографии Сергея Александровича Никитина” посвящен молодым годам этого историка-слависта. К сожалению, о первых шагах в науке С.А. Никитина сказано мало.

Интересен очерк о В.И. Пичете, первом ректоре Белорусского государственного университета (1921–1929), которому пришлось проявить принципиальность, отстаивая свои взгляды на первой конференции Всесоюзной ассоциации работников науки и техники в помощь социалистическому строительству (ВАРНТИСО). В противовес другим участникам конференции, выступавшим с нападками на научную интеллигенцию и Академию наук, В.И. Пичета заявил, что в Белоруссии “научные работники, как местные, так и приезжие, всегда прекрасно помнили и понимали, что только единство науки с трудом может создать новую жизнь и способствовать социалистическому строительству” (с. 132). За свой доклад на конференции, в котором ученый защищал интеллигенцию, он подвергся травле, был арестован и в 1930–1935 гг. находился в заключении и ссылке. Вернувшись в Москву, он много сделал для возрождения славяноведения в СССР. В 1939 г. ученый возглавил кафедру истории южных и западных славян МГУ, где готовил специалистов по истории Польши и Чехословакии, а позднее стал заведующим сектором славяноведения Института истории, на базе которого в 1947 г. был создан Институт славяноведения АН СССР. Он занимался общественной деятельностью, сотрудничал со Славянским комитетом СССР.

Статья “Болгарский коммунист и главная библиотека России: вклад Г. Бакалова в новое славяноведение” интересна главным образом тем, что на основании архивных материалов автору удалось показать значительный вклад Г. Бакалова в работу Библиотеки имени Ленина. Он проследил судьбу неопубликованного капитального библиографического труда Г. Бакалова “Революционная книга Болгарии” (ныне он хранится в Отделе рукописей РНБ) и переданной в библиотеку ценной коллекции книг, брошюр и листовок, собранной Бака-

ловым, среди которых значительное место занимают нелегальные издания Болгарской коммунистической партии.

Примером освещения автором судеб славистов, подвергшихся сталинским репрессиям, является очерк об историке-медиевисте, члене-корреспонденте АН СССР Д.Н. Егорове (1878–1931), исследователе истории славяно-германских отношений, авторе капитального, но во многих отношениях спорного труда “Колонизация Мекленбурга в XIII веке”. Егоров, как и Г. Бакалов, вел большую работу в Библиотеке имени Ленина, где занимал пост заместителя директора. В 1930 г. он был арестован по “Академическому делу” и умер в ссылке в Ташкенте.

Очерк “В.И. Срезневский и А.Л. Бем: история дружбы через фронты и границы” основан на материалах книги “А.Л. Бем / В.И. Срезневский. Переписка, 1911–1936” (Брно, 2005), подготовленной А.Н. Горяиновым совместно с чешской исследовательницей М. Бубениковой. До Октября 1917 г. археографа Срезневского и литературоведа Бема связывала совместная деятельность в Библиотеке Академии наук, где между ними возникли дружеские отношения. В 1919 г. Бем эмигрировал и обосновался в Чехословакии. Переписка двух ученых относится как к российскому, так и к чешскому периоду жизни Бема. Она содержит сведения о научных занятиях и о быте двух ученых. Срезневский добился публикации в России ряда статей Бема, подготовил и выпустил в 1926 г. подготовленный Бемом до революции “Библиографический указатель творений Л.Н. Толстого” и посылал ему корректуры и экземпляры библиографии. В 1930-е гг. В.И. Срезневский попал в опалу и вынужден был выйти на пенсию, но еще несколько лет, несмотря на тяжелую болезнь, публиковал имевшиеся у него материалы в сборниках “Звенья”.

Судьба Бема тоже оказалась трагичной. В его письмах содержится ряд интересных сведений о науке и литературе русской эмиграции, которые, видимо, интересовали Срезневского. Автор кратко сообщает о загадочной судьбе Бема, арестованного в 1945 г. и пропавшего без вести.

В 1920-е гг. большую помощь Г.А. Ильинскому в издании в Болгарии его работ, особенно классического труда “Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии” (София, 1934) оказал эмигрант из Одессы, славист М.Г. Попруженко, который в Болгарии сделал научную карьеру и в конце жизни стал академиком. Ильинский, работавший в Москве, помогал коллеге, обосновавшемуся в Софии, в подготовке разных изданий. О сотрудничестве ученых рассказано в очерке “Советский

режим и судьба двух славистов”. Нельзя не согласиться с автором, оценившим сложившиеся между коллегами взаимоотношения как яркий пример научного общения через искусственно созданные границы, которые были воздвигнуты между СССР и зарубежными странами.

В книге имеется несколько приложений. Из них стоит выделить важную теоретическую статью Г.А. Ильинского “Что такое славянская филология?”, определявшую круг вопросов, которыми, по мнению Ильинского, должно заниматься славяноведение, применяемые этой

дисциплиной методы исследования, кратко характеризующую этапы ее возникновения и развития. Несомненно, интерес вызовет и библиография работ сотрудников Отдела восточного славянства по проблеме “История отечественного славяноведения, 1917 – начало 1950-х годов”.

В целом работа А.Н. Горянинова является ценным научным вкладом в историю славяноведения.

Ф.А. Молок,
кандидат исторических наук

В.Е. Кельнер. МИССИОНЕР ИСТОРИИ. Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Издательский дом “МІРЪ”, 2008, 710 с.

Архитекторами еврейской истории принято считать немецко-еврейского историка Г. Греца (1817–1891), русско-еврейского С. Дубнова (1860–1941) и трудившегося многие годы в США С. Барона (1895–1989). Фигура Дубнова на протяжении многих лет привлекает внимание историков и публицистов. Дубнов – автор многотомного монументального труда “Всемирная история еврейского народа”, опубликованный впервые в немецком переводе (Берлин, 1925–1929), затем на иврите в 1923–1938 гг. Полное издание в подлиннике на русском языке вышло в Риге в 1934–1938 гг. Это издание давно стало библиографической редкостью. В настоящее время в Москве вышло в свет новое издание его “Всемирной истории”¹.

Дубнов – выдающийся мыслитель еврейской общины, создатель русско-еврейской историографии, теоретик диаспорального еврейского национализма, общественный деятель, политик и мемуарист. Его жизнь и гибель в огне Холокоста стала одним из символов трагедии восточноевропейского еврейства.

Творческое и эпистолярное наследие Дубнова огромно, оно находится в архивах разных стран: в Российском государственном историческом архиве, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге; Центральном Государственном архиве

РФ и Архиве Академии наук РФ в Москве; в Библиотеке Академии наук Украины им. В.И. Вернадского в Киеве; в Центральном архиве истории еврейского народа и Отделе рукописей Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме; Институте еврейских научных исследований в Нью-Йорке. Эти источники, как и труды Дубнова, написаны на различных языках: русском, немецком, иврите, английском. Историк написал три тома воспоминаний – “Книгу жизни”, в которые вошли и обширные фрагменты дневников ученого². Воспоминания и дневники обладают необыкновенной силой интеллектуального, нравственного и эмоционального воздействия на читателя.

В.Е. Кельнер смог представить свое прочтение биографии историка и его трудов. В ходе работы В.Е. Кельнер приходит к пониманию своих возможностей, о чем и сообщает читателю: “одному исследователю не под силу освоить весь комплекс источников, осмыслить во всей полноте и многообразии историю становления и эволюции его (Дубнова. – А.Л.) научных и политических взглядов” (с. 25). В результате В.Е. Кельнер сосредоточился главным образом на “российских” аспектах деятельности Дубнова, попытался осветить его путь как историка российского еврейства, публициста и общественного деятеля.

“Научная биография С.М. Дубнова может быть создана только в результате всеобъем-

¹ Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа. От французской революции до наших дней, т. 1–3. М., 2002; История евреев в Европе. От начала их поселения до конца XVIII в., т. 1–4. М., 2003; История еврейского народа на Востоке, т. 1–3. М., 2006.

² Дубнов С.М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. СПб., 1998.